

Распахнув тяжелые дворцовые двери, Линь Шу казался прежним: то же бесстрастное лицо, та же благородная, безупречно прямая осанка. Вот только будь здесь Сун Минъя, он бы с первого взгляда заметил, как нетверда его походка, как бледен лик и как бескровны губы. Будь здесь Минъя, он бы непременно забросал его тревожными расспросами, извелся бы от беспокойства и не отступился бы, пока не выведал правду. Если бы только Минъя был здесь...

Но его больше нет.

Взглянув на опустевшие покои, Линь Шу ощутил, как из самой глубины души поднимается леденящий холод. Больше никто — хоть ему и перевалило за добрые десятки тысяч лет — не станет по-детски прятаться за дверью, чтобы напугать его, забавляясь этой шуткой тысячелетия напролет. Никто больше не уснет на кушетке у окна с раскрытой книгой в руках, и не нужно будет заботливо укрывать его покрывалом. Никто не станет капризно жаловаться на пресный вкус небесной росы и кипятить ее, чтобы заварить серебряные листья Цзюньшань. Никого больше не будет...

Двери за его спиной медленно закрылись. Линь Шу прикрыл глаза, а снаружи раздался зычный, пронзивший все три мира голос стража Небесного Императора:

— За нарушение небесных законов верховное божество Линь Шу приговаривается к заточению в собственных покоях на три тысячи лет. Да убоится он содеянного и да пребудет в раскаянии во имя мира и спокойствия трех пределов!

«Во имя мира и спокойствия трех пределов...» — горько усмехнулся про себя Линь Шу.

Какая глупость. Они всего лишь любили друг друга. Неужели их любовь обладала столь разрушительной силой, что могла пошатнуть устой вселенной?

Три тысячи лет... В небесных чертогах, где больше нет его возлюбленного, что триста лет, что тридцать тысяч — все едино. Рано или поздно эти двери вновь распахнутся, но Линь Шу знал: его сердце навсегда останется запертым для этого мира.

И когда присутствующим показалось, что на этом все кончено, из смыкающейся щели дверей донесся тихий, едва различимый шепот — то ли бред, то ли разговор с самим собой:

— Минъя... в этом шумном, суетном мире смертных... не одиноко ли тебе? погоди... я скоро приду.

Зрители, затаив дыхание следившие за игрой Се Шуи из-за пределов кадра, увидели, как этот сломленный горем, похожий на живой труп человек вдруг открыл глаза. По бледной щеке покатилась одинокая слеза, но во взгляде больше не осталось скорби. Он неотрывно смотрел на бамбуковые колокольчики у окна, что тихо звенели на ветру, выводя печальную мелодию. Этот подарок на пятидесятитысячелетие Сун Минъя смастерил своими руками из редкого бамбука, который стащил у бессмертного владыки Чжюня. Минъя и сам толком не знал,

действительно ли у Линь Шу в тот день был праздник, зато после той кражи ему пришлось спастись бегством от разгневанного хозяина. Пользуясь случаем, воришка залег на дно в покоях Линь Шу и прожил там несколько месяцев, пока Линь Шу, устав от его невыносимой болтовни, сам не пошел и не уладил это недоразумение с владыкой Чжунюнем, лишь бы поскорее спровадить незваного гостя.

Теперь его не стало. Бамбуковый перезвон звучал как плач, но Линь Шу — а точнее, Се Шуи — вдруг улыбнулся. Это была поразительно яркая, счастливая улыбка, какой на его лице не видели за все долгие тысячелетия жизни. Но в ней не было радости — лишь подступающее безумие...

— Снято!

Резкий щелчок хлопушки ворвался в тишину съемочной площадки, мгновенно разрушив чары и вернув замороженных зрителей к реальности.

Несколько секунд царило гробовое молчание. Наконец кто-то один робко захлопал, его тут же поддержал второй, третий, и через мгновение площадку накрыло шквалом восторженных, нескончаемых аплодисментов.

Те двое сотрудников, что еще недавно судачили в стороне, теперь потрясенно смотрели на Се Шуи. Стоило режиссеру остановить съемку, как актер мгновенно сбросил маску и вновь превратился в скромного, благовоспитанного молодого человека. Смущенный бурными овациями, он стоял посреди декораций, и на его щеках проступил неловкий румянец.

Первый работник, который до этого шутил про «твоего папочку» Дай Вана, легонько ткнул коллегу локтем в бок и, не отрывая взгляда от Се Шуи, прошептал:

— Беру свои слова назад. Насчет того, что Се Шуи бездарность. Я круто ошибся. Знаешь, у тебя теперь может появиться еще один кумир, кроме твоего ненаглядного Дай Вана. Этот парень... да его актерская игра ничуть не уступает мастерству самого Дай Вана!

— Да уж, ни капли не уступает! — вздохнул тот в ответ, но тут же зацепился за слово «новичок» и возразил: — И вообще, какой он тебе новичок? Он в этой индустрии уже почти десять лет варится!

— Сколько-сколько?! Откуда такие познания? — удивился первый. Еще пару минут назад его приятель понятия не имел, кто такой Се Шуи, а теперь выдает подробности биографии.

Второй не спеша достал из кармана телефон, открыл вкладку поиска и ткнул экраном другу в нос:

— Да вот, только что загуглил. Он дебютировал десять лет назад. Видимо, пареньку фатально

не везло — доставались сплошь третьесортные эпизодические роли, потому мы о нем и не слышали. Да и пиарили его из рук вон плохо. Посмотри, в сети про него почти ничего нет, пара строчек буквально.

Пролистав скудные статьи, он лишь сокрушенно покачал головой.

Режиссер У Юй долго сидел перед монитором в полном молчании. Его руки мелко дрожали. Он попытался сжать кулаки, но от этого дрожь лишь усилилась. Глубоко и судорожно вздохнув, он прижал одну ладонь другой, силясь унять волнение.

Обеспокоенный ассистент шагнул к нему, собираясь спросить, все ли в порядке, но режиссер лишь молча отмахнулся. Никто, кроме самого У Юя, не понимал, что с ним происходит. Он не был болен — его просто переполнял такой дикий восторг, что тело отказывалось подчиняться. Дрожали не только руки. Его била крупная дрожь с головы до ног!

Тридцать лет. Больше тридцати лет он снимал кино. За эти десятилетия он выпустил немало картин, многие из которых имели оглушительный успех. Но подобное потрясение, от которого все тело пробирает крупной дрожью, он испытывал лишь однажды — четверть века назад, когда работал с Дай Цинъюнем, отцом Дай Вана, над фильмом «В огне». В тот день Дай Цинъюнь играл сцену прощания с умирающей женой, и его игра заставила У Юя содрогнуться. Позже выяснилось, что до мурашек проняло всю съемочную группу. И предчувствие не обмануло режиссера: картина прогремела на весь мир, завоевав престижнейшие «Золотого льва» и «Золотого медведя». Фильм едва не дотянулся до Оскара, а сам Дай Цинъюнь собрал все мыслимые награды, включая призы Каннского и Берлинского кинофестивалей. Именно после этого он вошел в пантеон величайших актеров страны. Десять лет назад ему присвоили звание государственного артиста первой категории, а три года назад вручили награду за вклад в кинематограф на фестивале «Золотой орел». Но даже тогда, на съемках ленты «В огне», Дай Цинъюнь уже был признанной звездой, лауреатом премий «Золотой лошади» и «Белой магнолии». Нынешний безвестный Се Шуи не шел с ним ни в какое сравнение. И все же сегодня У Юй дрожал точно так же, как двадцать пять лет назад. За последующие годы он повидал десятки именитых актеров и актрис, но никто из них не вызывал в нем этого священного трепета. И вот этот всеми забытый актер третьего эшелона... совершил невозможное!

У Юй снова поднял взгляд на сцену. Се Шуи уже полностью вышел из образа: на его лице не осталось и следа прежней скорби, он мягко и тепло улыбался Дай Вану, который незаметно подошел к нему. Они стояли рядом. Один — признанный баловень судьбы, на которого возлагали надежды как на преемника великой актерской династии; второй — никому не известный скромник, раз за разом преподносящий невероятные сюрпризы. Глядя на этот дуэт, У Юй вдруг вспомнил популярную в сети фразу:

«Похоже, этот год станет самым многообещающим для китайского кинематографа!»

И пусть сейчас он снимал не полнометражный фильм для больших экранов, и пусть интернет-пользователи твердили эту фразу из года в год без всякого толка, сейчас У Юй всем сердцем верил: если этот год и не перевернет весь большой кинематограф, то уж для него самого и для

индустрии веб-сериалов он точно станет триумфальным!

Когда стало известно, что режиссер легендарного фильма «В огне» берется за веб-дораму «Тихий шепот», интернет взорвался язвительными комментариями. Люди сокрушались, что У Юй исписался, растерял былой талант и опустился на самое дно. Близкие и коллеги в один голос твердили, что он губит репутацию и занимается самобичеванием. Градус критики снизился лишь тогда, когда свое участие в проекте подтвердил Дай Ван, но скептики все равно не умолкали.

Однако сам У Юй прекрасно понимал, на что идет. Он предвидел тектонические сдвиги в индустрии. Эпоха, когда прайм-тайм на телевидении решал все, безвозвратно ушла. В век больших данных будущее принадлежало интернету. Настоящий хит, завирусившийся в сети, по охвату и влиянию давно обошел традиционные телерейтинги. Его главной целью было создать сериал, который заставит зрителей раз и навсегда пересмотреть свое пренебрежительное отношение к сетевым релизам. Публика видела в нем успешного мастера, почивающего на лаврах, но сам он задыхался без творческого роста. Он жаждал перемен, мечтал о новой вершине. И если поначалу он просто хотел прощупать почву, то теперь не сомневался: у него все получится!

Новая эра китайского кино и телевидения уже стояла на пороге. И эта революция начнется прямо здесь. С его драмы «Тихий шепот». С Дай Вана и Се Шуи!

Се Шуи, разумеется, и не подозревал об амбициозных планах режиссера. Едва покинув кадр, он наткнулся взглядом на Дай Вана, который стоял у края площадки и, скрестив руки на груди, с мягкой улыбкой наблюдал за ним.

Сам не понимая почему, Шуи мгновенно успокоился. Во время съемки он не замечал ничего вокруг, но стоило прозвучать команде «снято», как он обнаружил себя в плотном кольце коллег, смотревших на него сияющими от восторга глазами. От такого пристального внимания ему стало не по себе. Но стоило заметить в толпе Дай Вана, как все страхи разом улетучились. Поразительное, необъяснимое чувство!

Интересно, как бы отреагировали эти люди, узнай они, что их искреннее восхищение Шуи мысленно окрестил «хищным блеском глаз»? Наверняка вышло бы забавно.

<http://bllate.org/book/20697/2131109>